ДАГЕСТАНСКИЕ
СВЯТЫНИ
Книга третья

Амри Р. Шихсаидов

Дагестанские святыни. Книга третья

Серия «Духовный мир дагестанцев»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8673460
Дагестанские святыни: Кн. 3 / Сост. и отв. ред. А.Р. Шихсаидов.: Эпоха; Махачкала; 2013
ISBN 978-5-98390-115-5

Аннотация

Книга посвящена выдающимся явлениям в жизни дагестанского общества, известным городам и культурным, экономическим и административным центрам, объектам культурно-исторического наследия – памятникам письменной культуры, археологии, архитектуры, видным общественным и политическим деятелям. Представляет интерес не только для ученых – для всех, кто интересуется историей родного края.

Содержание

Предисловие 4
Древнейшие земледельцы Дагестана. Древние города Дагестана 8
Восьмое чудо света – земледельческие террасы на горных склонах 10
«Ворота судного дня» в Дербенте 47
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Дагестанские святыни. Книга 3 Составитель А. Р. Шихсаидов

Предисловие

Мы представляем читателю третью книгу «Дагестанские святыни», подготовленную дагестанскими учеными – сотрудниками Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН и Дагестанского государственного университета. В ее создании участвовали видные специалисты – историки, археологии, искусствоведы, востоковеды, литературоведы.

Как и предыдущие выпуски, эта книга посвящена выдающимся явлениям в жизни дагестанского общества, известным городам и культурным, экономическим и административным центрам, объектам культурно-исторического наследия – памятникам письменной культуры, археологии, архитектуры, а также видным общественным и политическим деятелям.

Книга открывается разделом «Древняя земледельческая

культура», в котором представлена обстоятельная и концептуальная статья проф. М.А. Агларова «Восьмое чудо света – земледельческие террасы на горных склонах», в которой рассказывается о крупнейшем памятнике и достижении народной агрикультуры, обосновывается мысль о том, что Дагестан входил в число древнейших исходных центров террасных технологий.

Раздел «Аулы – столицы, крупные административные и торгово-экономические центры» включает несколько статей о замечательных дагестанских селениях – Кубачи (А.М. Магомедов), Курах (З.А. Магомедова, М.К Османова) и Гергебиль (З.Б. Ибрагимова). Авторы привлекли много новых и ценных документальных данных.

Богато представлен также раздел «Мир памятников письменной культуры». В статье проф. А.Р. Шихсаидова «Зерехгеранская школа переписчиков» рассказывается о работе профессиональных переписчиков-*катибов* XV–XVII вв. из Зерехгерана, создателях самобытного, самостоятельного и популярного в Дагестане «цеха тиражирования рукописной книги». В статье «“Байан ал-хакаик” – духовный журнал ученых-арабистов Дагестан» А.Р. Наврузов продолжает традицию изучения дагестанской оригинальной периодической печати на арабском языке. Немецкий ученый проф. М. Кемпер посвятил свою статью памятникам обычного права на арабском языке – адатным нормам дагестанских общин XVIII–XIX вв.

Представленный сборник продолжает изучение культовых сооружений Дагестана. Статья проф. М.С. Гаджиева рассказывает об уникальном средневековом мусульманском культовом памятнике «Ворота Судного дня» (араб. *Баб ал-кийама*) в Дербенте, открытом и исследованном Дербентской археологической экспедицией.

Статья З.Ш. Закарияева впервые дает подробное описание двух замечательных памятников культовой архитектуры – Мишлешской соборной мечети XI–XV вв. и Хрюгской соборной мечети начала XVIII в. Их богатые по содержанию эпиграфические тексты, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, воссоздают историю этих памятников культовой архитектуры.

В третьей книге «Дагестанские святыни» впервые открывается раздел «Выдающиеся сыны Дагестана». Н.А. Тагирова в своей статье подробно рассказывает о жизни и творчестве крупного ученого, философа, поэта Гасана-эфенди Алкадари, о его не дошедшей до нас коллекции рукописей. Очерк чл. – корр. РАН, проф. А.И. Османова посвящен героической жизни и трагической судьбе Джелалутдина Коркмасова, выдающегося государственного и общественно-политического деятеля Дагестана и России.

Первая и вторая книги серии «Дагестанские святыни» получили широкую общественную известность, они были отмечены дипломами лауреата на международных книжных выставках в Санкт-Петербурге и Сочи. Книга первая ре-

комендована Фондом развития отечественного образования «для использования в учебном процессе к переизданию для широкой научной общественности в России и за рубежом». Надеемся, что и очередная книга также не пройдет незамеченной и послужит делу популяризации и ознакомлению широкого круга читателей с Дагестаном и его людьми, с замечательными памятникам культурно-исторического и духовного наследия народов Страны гор.

А.Р. Шихсаидов

Древнейшие земледельцы Дагестана. Древние города Дагестана

Древнейшие
земледельцы
Дагестана
Древние города
Дагестана

Восьмое чудо света – земледельческие террасы на горных склонах

М.А. Агларов

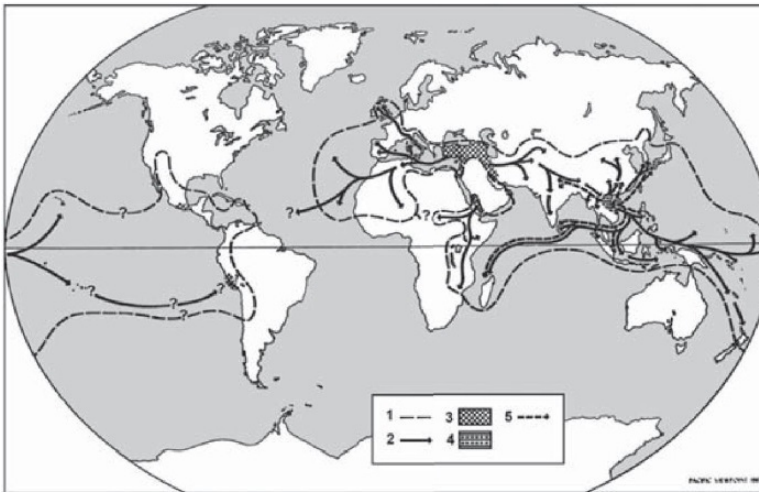
Висячие сады Семирамиды, что называют седьмым чудом света, – только эпизод гигантского пояса искусственных террасных сооружений, опоясывающих земной шар. Настоящее чудо – это земледельческие террасы, опоясывающие земную поверхность. Известно террасирование склонов – одна из наиболее древних, широкомасштабных и мощных форм антропогенного морфогенеза, фактор более превосходящий, чем все иные формы воздействия человека на землю, включая дороги и города. Террасирование горных склонов в целях сохранения и аккумуляции почв, повышения урожайности признано одним из величайших достижений древнего населения наряду с одомашниванием растений и животных. Человек менял гору, но и она обратным воздействием меняла сознание горца, она меняла само общество, сотворившее эту культуру.

Террасное земледелие Дагестана является частью этой великой мировой системы. Еще более интересно то, что Дагестан входит в зону, откуда, считается, распространилась тер-

расная культура по земному шару, то есть является одним из древнейших исходных центров террасных технологий.

Что говорили о террасах Дагестана другие?

При виде террасированных склонов в горах Дагестана в первой половине XIX века, Ф. Боденштадт писал: «… но как вечно не дремлющий человеческий дух стремится к тому, что для него трудно досягаемо, так и лезгины своим искусством, терпением и упорством сумели добиться богатств у своей неплодородной земли, богатств, которые она прячет под кажущейся непроницаемой корой, скал и камнями… эти террасы обрабатываются как нельзя более заботливо и прилежно, их края обнесены фруктовыми деревьями и виноградом. Действительно, можно лишь удивляться искусству, с которым этот народ… сумел превратить неприветливые скалы своей страны в цветущие сады».



Происхождение и распространение террасного земледелия. Карта-схема по Спенсеру:[1] 1. Границы районов распространения террас.

2. Пути распространения террасных технологий.

3. Центры происхождения террасных технологий.

4. Центры происхождения затопляемых рисовых террас.

Аналогичное впечатление получил член-корреспондент Венгерской Академии наук Морис фон Дечи, спустившись (1885 г.) из Анди в Ботлих: «В противоположность скали-

[1] Spenser J.E., G.A.Hale.. The origin, nature and distribution of agricultural terrasing. – Pacific Viewpoint, 1962. V2. № 1. – P. 33.

стому окружению, сам Ботлих лежит среди цветущих фруктовых садов, полей и лугов, затененный стройными липами, настоящий оазис среди каменного ландшафта Северного Дагестана»[2].

Таких отзывов много, здесь приводятся те, которые наиболее точно отражают картину земледельческого освоения горных склонов. Среди них имеется наиболее выразительное впечатление от этих ландшафтов, преображенных из каменистых полупустынь в сплошные сады, которое записал генерал Я. Костенецкий еще в 1837 году: «Везде скалы, утесы, дичь, глина, камни, нет даже земли. Природа здесь не производит ни одной былинки, а человек назло ей создал такую чудесную растительность, какую трудно иметь и в самых плодороднейших местах… Мы удивляемся голландцам, которые из болота сделали обитаемую страну. Но там образованность, наука, искусство, коммерция, правительство. А загляните в эти горы, и вы действительно изумитесь, увидев среди этих диких и бесплодных гор прекрасные деревни, плодороднейшие и огромнейшие сады»[3]. Это была военная экспедиция через Леваши, Хаджалмахи, Гергебиль.

Закончим отзывы заключением, что дал выдающийся генетик и растениевед академик Н.И. Вавилов, открывший и изучивший крупнейшие мировые центры происхождения

---

[2] Шихсаидов А., Агларов М. Семь путешествий Мора Дечи. «Советский Дагестан». 1970. № 5. С. 69.

[3] Инхоса Пали-ХIажи. Асарал (на авар.). МахIачхъала, 1995. -С. 50.

культурных растений: «В Перу и Боливии и у нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. В Дагестане, около Ботлиха, можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане»[4].

Малый Гоцатль (вид сверху). Фото Х.-М. Зургалова. 2009 г.

[4] Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // «Природа». 1936. № 2. – С. 80.

Как строили и формировали террасы?

Труд, который вкладывали в создание террасных полей, известный ученый Х.-М.О. Хашаев называет нечеловеческим[5]. Поля, созданные таким трудом, строились, по сочному выражению моего собеседника из Ирганая: «Цояз мугъалда чIван, цогидаз чехьалда чIван гохIде гамачIги баччун», то есть: «Кто на спине, кто на животе поднимая камни в гору».

Игалинский садовый оазис зимой 2008 г. Фото автора

[5] Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. – С. 85.

Террасирование склонов происходило, как а) отдельное строительство террасы на подпорных стенах и б) создание горизонтального поля (полей) на склоне горы путем его пропашки.

Террасные поля на подпорных стенах (первый тип) представлены двумя подтипами: узкополосные (обрабатываемые вручную) и широкополосные, т. е. с обширной полезной поверхностью (где применяют пахотное орудие)[6].

Узкополосные террасные поля на подпорных стенах шириною не более двух-трех шагов и разнообразной длины приурочены, как правило, к крутым от 30 до 60–70° склонам долин больших рек и их притоков, а иногда к почти отвесным скальным обнажениям. Их создают рытьем склона горы обыкновенными кирками и лопатами, добывая камень, который сразу же идет на строительство подпорных стен. Кладка стены сухая с использованием щебня и земли.

Иногда встречается «циклопическая» кладка (с. Игали) с использованием огромных каменных глыб. Устраивают лестницы в стене, чтобы взобраться на поле, или специальные наружные выступы для той же цели. В окрестностях Согратля зафиксированы террасы со сводчатыми нишами в подпорных стенах. При строительстве таких полей учитывают сложную систему водоподачи и с террасы на террасу,

[6] Сказанное не относится к мунинским садам и полям, где вообще не применяли пахотное орудие, считая его работу грубой для тщательной обработки своих изумительно ухоженных полей-садов.

строя облицованные отводы, а в стенах своеобразные каменные сифоны и водосливы. Промежуток между склоном и стеной заполняется землею, вырытой со склона, а поверхность в самом начале настилается плодородной землей, принесенной со стороны и специально удобренной. Ею же заполняют ямы, вырытые для посадки фруктовых деревьев. Последующее окультуривание почв происходит путем систематической тщательнейшей обработки и удобрения (главным образом органических сочетаний с зелеными удобрениями), и основную роль играет орошение, которое заносит на поле обновляющие почву частицы. Почвы на этих полях, таким образом, целиком антропогенны и резко отличаются по своим свойствам от естественных, зональных.

Население Хиндалала среди этих узкополосных террас выделяет еще две разновидности: 1) къадал, в которых ширина поверхности равна приблизительно высоте подпорной стены. Названий таких полей множество в диалектах, само название «къадал» значит «стены», называют их еще «персал», что значит «скалы». В Ирганае этот же тип называют словом «кьирдул», что на аварском ничего не значит, но этимологизируется, похоже, с андийского: «кьир» – по-андийски «мост», «кьир-дул» – «мосты». Сами андийцы такие террасы называют «кIалибол», что значит «ступеньки». У даргинцев «тIалтIи» («тIал» – «опора»)[7].

[7] Османов М.О. Географическая среда и производящие формы хозяйства (по этнографическим данным) // Формы перехода от присваивающего хозяйства к

Другой подвид узкополосных террас – это такие поля, когда поверхность поля очень узка (не более одного-двух шагов в ширину) и значительно уступает высоте подпирающей эту поверхность стены. Их араканцы называют «чIваял» (значение слова близко к понятию «налепить», «прислонить»).

Виноградные террасы Читля. Ныне заброшены

На таких полосках разводят большей частью виноградни-

производящему и особенности развития общественного строя. – М., 1974. – С. 71.

ки, реже – другие садовые насаждения. Для посевов они серьезного значения не имеют, хотя здесь все же сеяли просо, фасоль, кукурузу. В Голотле зафиксирован случай, когда методом узких полос под садовые насаждения освоены не только обычные горные склоны, но и травянистые межевые откосы обширных террасных полей. Устроенные вручную террасы на подпорных стенах распространены по бассейнам Андийского Койсу до его верхнего течения (последний пункт с. Цумада); Аварского Койсу до районов Гидатля и Келеба, Казикумухского Койсу до Цудахара, Каракойсу до Гилиба (со значительными перерывами) между Гунибом и Цурибом; по Сулаку были сосредоточены до Миатли и (единично) Бавтугая. Они взбираются в горы достаточно высоко и по притокам указанных рек. Большей частью эти террасы орошаемы и заняты горно-долинными садами. Впечатляющие лестницы подобных сооружений мы видим в окрестностях с. Ицари, на подступах к Согратлю и Гоцатлю.

Террасные поля на подпорных стенах с обширной поверхностью – второй вид полей на подпорных стенах, называемый у аварцев «хур», у даргинцев – «хъу», у лезгин, лакцев – «хъу». Эти поля, хотя одинаковые с узкополосными по конструкции, различаются по технологии строительства. Поля расположены на более или менее плоской поверхности речной поймы и формируются путем заграждения определенных участков от разливов самой реки. Такие участки, впрочем, очень часто уносятся во время бурных разливов реки.

Орошаемая часть имеет тенденцию к довольно быстрому затоплению илом и почвами, наносимыми сюда с окрестностей и изредка разливами, но в основном ирригационными и дождевыми намывами. Поле становится максимально плодородным (ил), когда разливы до поля уже не доходят и почвенная поверхность стабилизирована. Ирганайская, Гергебильская и Хаджалмахинская долины дают наиболее классические примеры борьбы за землю в поймах.

Террасные поля этого же типа разработаны еще на конусообразных выносах притоков рек и на пологих склонах. Они расположены на невысоких подпорных стенах с обширной поверхностью (порою до 1 га). Ведущую роль в формировании этого подвида играла антиэрозийная каменная кладка, которая укреплялась из сезона в сезон и строилась каждый раз чуть выше поверхности террасы. Противоэрозийная кладка задерживала дождевые, ирригационные и механические перемещения почв при их обработке.

Внимательный исследователь, почвовед С.В. Зонн пишет, что «все они (почвы) распределены на искусственных террасах, благодаря чему мощность их увеличивается вниз по склону, а в пределах одной террасы от начала к окончанию ее». Это следствие постепенного перемещения почв вследствие механических процессов, происходящих на поверхности поля во время земледельческих процедур. Почвы на разбираемых видах полей культурно-полевые, им характерна хрящеватость, они более каменисты и менее глинисты.

Созданы руками человека «то переносом мелкоземлистой массы на террасированные участки, то кольматажем отдельных участков, наконец, длительным окультуриванием бывших на таких местах естественных почв путем постоянного перемешивания с навозом и золой, аллювиальными наносами и выборкой камней». Здесь вспоминаю, как говорят инховцы: «ГIадамаца хур бижизабула, нижеца ракь бижизабула» («Другие выращивают урожай, мы – почву»). Английский путешественник и писатель Уркварт пишет то же самое о Ливане: «Повсюду человек обрабатывает почву, а здесь он ее создает; повсюду итог – урожай, а здесь – почва»[8].

Итак, обширные днища рек в районе Хаджалмахи, Гергебиля, Муни и Ботлиха освоены методом заполнения предварительно подготовленных ячеек («оросительных единиц») или того или иного участка, подготовленного к орошению, почвами, наносимыми ирригационными водами. Ирригационные воды брались из основной реки (редко)или с притоков, относительно и весьма эффективно от дождевых потоков (Ирганай). При этом шло постоянное вековое наступление «мегъа», то есть «обработанной части ареала», на русло большой реки, сужая русло ее могучих разливов. Если каменные ограды и ячейки оказываются не унесенными очередными ударами весеннего разлива реки или боковыми притоками, то они непременно после залива оказываются заполненными землей и щебнем – отличной основой для почв,

[8] Urqvart D. T e Lebonen (Mourt Syria). A History and Veary. – L. 1860. V. I. – P. 1.

заносимых прежде всего тщательно продуманной ирригацией, методом ячеечного затопления.

Стены этих полей как межевые еле возвышаются над поверхностью, но глубоко посажены в наносную землю, а порою вовсе скрыты. На мунинских садовых полях, которые кажутся ровными, стены еле выступают над поверхностью, они высокие, до 2-х и более метров, погребены в аллювиальное и выровненное, искусственного распределения (орошением), мощное почвенное образование. Информаторы говорили, что в мунинском «мегъе» от стен видна только приблизительно одна седьмая часть, что они глубоко погребены, как «эшелонированная оборона» от речных бурных разливов. Такой способ освоения днищ плоскодонных долин в его полном выражении и гигантском масштабе, на основе которого была создана и сформировалась Южно-Аравийская цивилизация, мне довелось исследовать в верховьях вади Амд Хадрамаута[9].

В основном рассматриваемый вид террас используется под всевозможные культуры и садовые насаждения. Интенсивная эксплуатация этих полей за короткое горное лето заключается в том, что на террасах практикуют двух-трехъярусное земледелие – смешанные посевы разнородных культур (просо-бобовые-кукуруза; кукуруза-фасоль-огородные и т. д.), дополненные фруктовыми деревьями по краям по-

[9] Агларов М.А. Хиджли верховий Хадрамаута. Резюме доклада на конференции // История взаимодействия общества и природы. – М., 1990.

лей. Расположенные на склонах, эти поля получают намного больше солнечного света, чем на ровном месте, что и использовано земледельцами при практике многоярусных посевов.

Склоны гор, террасированные с помощью каменных подпирающих поле стен, производят незабываемое впечатление гигантских каменных лестниц – результат огромного человеческого прилежания и труда. Садовые насаждения на каменных террасах придают особенную окраску земледельческому пейзажу. Террасированный «мегъ» с ирригационными каналами, акведуками, искусственными водохранилищами, дорогами, проложенными на каждую пашню-террасу, являлся застройкой с единой структурой, обеспечивавшей этому преобразованному ландшафту цельность. Такое впечатление создается еще и потому, что размещение и взаиморасположение всех названных компонентов были оптимальными, ирригация – централизованной и легкоуправляемой.

Санал (авар.) – межи, гьанна (лак.) – откосы, особенно в орошаемой части или на западных склонах, представляли собой первоклассные сенокосы. Хозяин террасы пользовался откосом не собственной террасы, а тем, который служил «экраном» его поля, т. е. межевым откосом верх ней террасы, принадлежавшей уже другому хозяину. Забота о подпорных стенах террасы, выходящих как на «соседа сверху», так и на «соседа внизу», была делом той группы владельцев, которая имела к ним отношение, а иногда и отдельных землевладельцев, ибо ливневые прорывы на одних участках угро-

жали и расположенным далеко внизу полям.

Террасированные участки, расположенные в местах возможного ливневого прорыва, устраивали особенно прочно, порой на циклопической кладке. В окрестностях сел. Игали мною обмерены и сфотографированы террасы, стены которых построены из огромных многотонных каменных глыб, уложенных друг на друга. Подобные сооружения требуют усилий многих людей, каковыми являлись не только владельцы расположенных ниже участков, но и все общество. Экономическое благосостояние каждого из членов было важным фактором ее жизнеспособности в целом, оно поддерживалось общиной, если не строилось в ущерб общественным или частным интересам. Поэтому участие общества в любом строительстве индивидуального назначения и принадлежности рассматривалось как дело всей общины.

Кудалинские «пирамиды». Фото Р. Магомедова. 2010 г.

Террасные поля между Кахибом и Гоором. 2009 г.

Как орошались террасные поля?

Террасы, особенно в бассейнах основных рек, орошались притоками больших рек, ручьями, водами речек, дождевыми потоками. Сложность горного рельефа, крутизна склонов, скорость, сила потоков диктовали горцам самые разнообразные устройства и приемы акведуков, которые по рациональности, а иногда по сложности инженерных решений сродни террасным технологиям.

Еще до затопления Чиркея в 1965 году мною сфотографирована последняя функционировавшая дамба-плотина, от

которой отводилась вода в каналы. Чиркеевцы с помощью каскада дамб-плотин подняли из ущелья воду не менее чем на 30 м по вертикали, благодаря чему смогли разбить сотни гектаров орошаемых садов. Такая развитая каскадно-дамбовая система преграждения речки, кроме как в Чиркее, нигде не зафиксирована, хотя в более простых вариантах она спорадически встречалась по всей зоне Хиндалала.

Плотина для подъема воды в ирригационные каналы в Старом Чиркее. Построена на средства генерала Пазулава (XIX в.). Фото автора. 1965 г.

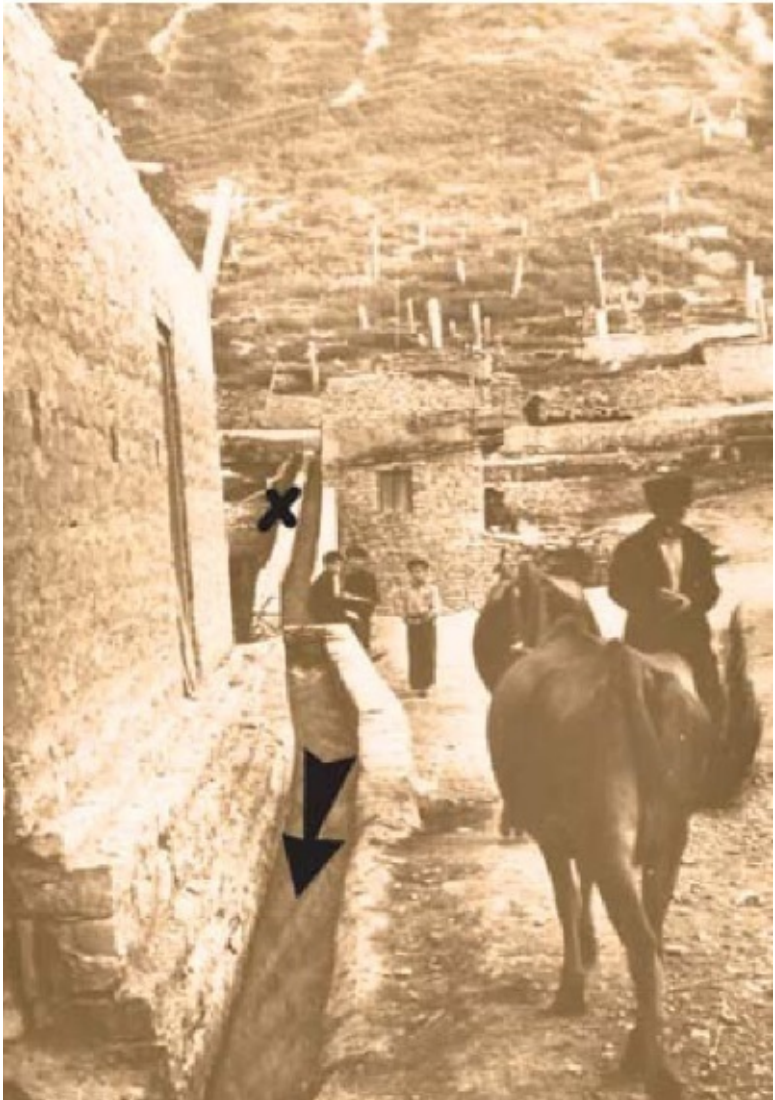
Головные каналы строились наиболее тщательно. Они обсаживались ивой, липой, тополями и прочими насаждения-

ми, чтобы затенить и предохранить воду от излишнего испарения. Жители долин (хиндалалы) часто устраивали закрытые каналы. Там, где сильно дорожили землей или вообще хотели исключить потери земли и воды от испарения, строили подземные крытые каналы. Такова почти вся оросительная система урочища Буцрах. Облицованные и крытые каналы проходили по улицам аулов. Если аулы оказывались на пути проведения воды от источников на поля (с. Голотль), каналы проходили под жилыми домами или прямо по жилому помещению чьего-либо дома (Чиркей), что летом давало приятную прохладу. В домах чиркеевцев они, естественно, также были крыты, но устраивались небольшие закрывающиеся люки, открыв которые, можно было насладиться прохладой, красотой и шумом быстро текущей воды.

В Игали, в местности Лъенсори, существует тоннель из-под горы, по которому вода переброшена в соседнее ущелье. Особое впечатление оставляет подземный, вернее, внутрискальный канал в Цудахарской долине на Ташкапурские поля. Тоннель протяженностью 500–600 м в рост человека пробит внутри скалы. Такой же канал в Чиркате.

Воду в горах перебрасывали самыми незатейливыми, но очень искусными каналами на скальной глади или с помощью сточных деревянных желобов, легко разбираемых. Выдолбленный деревянный желоб, устроенный на каменном или деревянном подпорном сооружении, где желоб соединялся с другими такими же, обеспечивал горцам переброс-

ку воды порою в очень сложных условиях и на значительные расстояния. Классической конструкции акведуки можно было видеть единственно в Старом Чиркее.



Акведук, сначала подающий воду непосредственно в жилые камеры для прохлады, затем на поля. Старый Чиркей. Фото автора. 1965 г.

Д.Н Анучин, видевший акведуки в с. Хаджалмахи, отмечает: «Около аула достоин внимания водопровод, доставляющий воду по трубам и желобам с другой стороны реки на довольно значительное расстояние с гор.

Акведуки Старого Чиркея. Фото автора. 1965 г.

Такие искусственные системы орошения устраиваются жителями часто весьма искусно, при помощи простых приспособлений, на общественный счет» (Анучин. 1882).

Облицованный крытый канал в игалинских садах. Фото 1965 г.

Деревянные акведуки в гимринских садах. Фото автора. 2005 г.

«В Дагестане вода проведена не в долины, только случается видеть отводы воды еще высоко в горах. Нередко туземец ведет воду с одной высоты на другую даже через целое ущелье, в деревянных желобах, почти висящих на воздухе, на балках и высоких подставках. Иногда же ведут воду под зем-

лей в трубах», – пишет П. Надеждин, видимо, имея в виду керамические трубы (Надеждин П. 1895. – С. 63). Подземные облицованные каналы, протянувшиеся на несколько километров, протянуты по верхнему (левобережному) горизонту игалинских полей «Буцрал». По линии канала (поверх канала) проложена пешеходная тропа в целях экономии в этих местах земли. По размаху строительства, инженерной точности и оригинальности замысла удивляет канал, проведенный сквозь скалы в Цудахарской долине. Неизгладимое впечатление оставили чиркеевские акведуки, подводящие воду сначала в жилища отдельных кварталов и затем на густозасаженные садами террасные поля. Но Старый Чиркей с его террасной агрикультурой лежит ныне на дне искусственного моря.

Кородинские каналы-акведуки проложены на многие сотни метров по вертикальным скальным обнажениям и перебрасывают воду через глубокие ущелья. Подобную же картину можно видеть на подступах к Цудахару.

Современная эпоха вносит свои коррективы и в этой области. Железо и бетон значительно облегчают и улучшают методы водоподачи на расстояния, особенно водокачка насосами.

Водораспределение осуществлялось закрытием или частичным закрытием стоков дерном, доской или камнем, и осуществлял это тот, чья очередь на полив. В некоторых аулах встречались специальные сооружения для проживания

специально выделенного человека, который следил и распределял воду. В с. Гергебиль, там, где кончается главный канал (длиной 800 м) и осуществляется непосредственная подача воды на поля, имеется сооружение «Лъел КIалтIу» («Ворота воды»), откуда смотритель – «магъуш» – распределяет воду на 16 дополнительных каналов, расходящихся от головного канала. Должность распределителя в старину оплачивалась из общинной казны, в советское время – за трудодни.

Уровень воды в канале обычно определялся сравнительными пометками на стенах каналов – общее количество воды измерялось временем, вычисленным относительно понятия единицы водоизмещения – «борозда» – «канал». Одна «борозда» вмещала воду, достаточную для работы водяной мельницы. Например, «головной» канал Гергебильских садов вмещает 15 «борозд» воды. У разных обществ или народов встречались и другие единицы измерения. В Хаджалмахи, например, употребляли термин «иркла», которым обозначали рукав от главного канала. В общем же по Дагестану понятие «канал» – «борозда» было наиболее распространенной величиной.

Переброска воды через ущелье. Наверху тоннели-каналы. Гергебиль. 1967 г.

Вода считалась общинной, субъектом права на воду выступало общество, а частное водовладение в горах не известно. Поэтому сооружение, очистка и ремонт каналов делались сообща, по решению старейшин, о чем объявлял глашатай. Все население в объявленное время со своим инструментом

выходило на строительство канала (равно на очистку и ремонт). Строительство стен, акведуков и их ремонт поручалось делать мастерам. А остальные подручные работы, как и рытье канала, поручались всем, разбив линию, на которой собираются проложить канал. Не вышедших на ремонтные работы штрафовали по тарифам, принятым в каждом обществе. Отъезд (т. е. отсутствие в селении) во время ремонта не принимали в расчет (с. Голотль), так как глашатай объявлял, чтобы в сезон ремонта никто не покидал селение по какой бы то ни было надобности. Если все же кому-то нужно было уехать, он должен был оставить за себя человека, который выполнил бы его работу. Глашатай в Ирганае объявлял, чтобы все мужчины и женщины вышли на починку «Апарагадул Рахъ». Работа на главных каналах распределялась по жребию. Ремонт и расчистку ответвлений выполняли владельцы тех земельных участков, куда поступала вода по тому или другому ответвлению. И, наконец, тот участок канала, который непосредственно подавал воду на поле того или иного владельца, ремонтировался непосредственно хозяином поля.

Специальных инструментов для рытья, расчистки и обработки каналов горцы не имели – в дело употреблялись обычные кирки, ломы, лопаты, ручные повозки. Соответственно всем обществом устраивались и водохранилища, которых было не очень много. При современном расширении земледелия и садоводства в горных долинах водохранилища стро-

или глубокие и добротные (использование экскаваторов и цемента). Они в 60– х годах появились в окрестностях Заиба (Хунзахский район), Ботлиха (Ботлихский район), Голотля (Советский район) и др.

Оросительные порядки и законы. Орошение проводили два раза – весной и летом. Весенний полив осуществлялся после ремонта каналов, ранней весною, до пахоты поля. Перед весенним поливом разбрасывались удобрения. Их завозили на поля еще в конце зимы, которые лежали кучами. Очередь на весенний полив устанавливалась по ряду полей от головного канала – «сначала ближайшие, затем дальние».

Летний полив практиковался до конца лета, т. е. до начала созревания культур, и начинался весной же, вскоре после пахоты.

В селении Гимры очереди на воду устанавливали по сельскому ряду. Каждое хозяйство по очереди могло пользоваться водою лишь в течение четырех часов, по истечении которых вода переходила в распоряжение следующего хозяйства. Количество пахотных угодий, принадлежащих владельцу, которому отведено 4 часа полива, не учитывалось. Поэтому случалось, что безземельные и малоземельные крестьяне продавали свою очередь по аукционным ценам. Единицей измерения воды служила «мельничная вода», т. е. количество воды, достаточное для работы одной мельницы обычной конструкции. Если случалось, что кто-нибудь не получал воду за летний сезон, то в следующем году очередь

начинали с него. В Гимры ночная вода («сар-дил лъим») находилась в распоряжении сельских правителей и являлась как бы страховой. Если сельские исполнители обнаруживали, что чей-либо участок выгорает, то ему предоставляли воду для полива ночью.

В селении Игали порядок водопользования иной. Здесь в качестве меры измерения воды употребляли понятие «дад» (дад – в то же время название керамического сосуда для сбивания масла). Дад равнялся как оросительная единица количеству воды, протекающей через головной канал в течение одного дня. Следующая, меньшая единица – «гIеретI» (аварское название кувшина для носки воды), равная количеству воды, протекающей 1/8 дня. Следующей дробной единицей было «къоло-ниункъ»[10]. Она равнялась количеству воды, протекающей по головному каналу в течение 1/16 дня. День делили на 4 «дад» по солнечным часам. Первый дад – это когда солнце взойдет и осветит близлежащую вершину «хIуллиса», второй дад – когда солнце осветит годекан[11]. (На годекане имеется помещение с навесом, освещение которого имеется в виду). Третий дад – когда солнечные лучи осветят самую нижнюю часть внутренней стенки под навесом указанного сооружения на годекане. Четвертый дад – когда тень закроет ту же вершину «хIуллиса». В ненастные

[10] Къолониункъ – этнологизируется как четверть мерки, что соответствует «сахIу» для сыпучих тел, къолониункъ – вероятно, другое название саха.

[11] Годекан – общественная площадь (лобное место).

дни положение солнца определяли по прочим приметам, даже по тому, куда дошло стадо скота, отправленное на пастьбу с пастухом. Определение более дробных единиц («гIеретI», «къолониункъ») происходило по солнечным часам (навес со столбом, на котором имелись деления), установленным на годекане. Водораспределителям в поле об истечении времени пользования водой давали знать сигналами с минарета – днем размахивая буркой, ночью – светом фонаря.

Распределение воды в Игали было столь сложным делом, что были введены три должности, оплачиваемые обществом. Их занимали лица, разумеется, известные своей справедливостью, но главное – искушенные в тонкостях этого дела и грамотные. Занимающий первую должность «лъел бетIергьанчи» (что значит «глава воды») обязан был следить за соблюдением условий пользования водой и улаживать конфликты, нередко возникающие на этой почве. Второе должностное лицо «лъел миллат гьабулевчи» (букв. «тот, кто обязан следить (заботиться) о воде») обязан был знать, где и у кого находится вода, сроки водопользования данным хозяином участка, состояние каналов и обеспечивать своевременный отвод воды от одного к другому землевладельцу. Третья должность называлась «таптар ккуравчи» («хранитель книги»). У него находились записи – сведения о пашнях, подлежащих орошению, с указанием количества и размеров пахотной земли, принадлежащей тому или иному земледельцу. Он располагал также таблицами часов и пр., вносил те

или иные коррективы, связанные с изменениями в землевладении или топографии оросительных каналов. В таптаре, то есть в «книге записей», было высчитано и установлено количество воды, необходимой для орошения полей того или иного владельца, в измерениях, приведенных выше. Соответственно в с. Игали сложилась практика определения площади пахотной земли по единицам измерения оросительной воды «дад», «гIеретI», «къолониункъ».

Кроме как в Дагестане, так и на Кавказе подобный порядок измерения пахотных площадей нигде не известен. Из «дальних» аналогий можно указать на Индонезию, где у народа Бали единицей «тенах», под которую обычно нанимают территорию, орошаемую одним отводом от основного канала, исчислялись величины участков, размеры налогообложения и пр.

Нужно отметить измерение площади земли, исключительно дорогой в прошлом для горцев[12]. Количество воды, отпускаемой для ее полива, было возможно лишь при стандартности употребления воды на единицу площади. Такой же учет в практике, как при севе того или иного участка, размер которого в Дагестане определялся количеством зерна, употребленного для его полного засева.

Очередность на воду в Игали была зафиксирована списками в упомянутом «таптаре». Притом очередность в спис-

[12] Стоимость одной десятины в горах доходила до нескольких тысяч рублей (Анучин. 1884. – С. 399).

ках была составлена по земельному цензу.

Более крупные землевладельцы возглавляли список, а бедные и беднейшие – замыкали. Однако фактической привилегии возглавлявшие списки в первоочередном получении воды не имели, так как список очередей вступал в силу после жеребьевки между четырьмя лицами, выбранными с четырех частей аула. Все четыре участника должны были обладать условиями, отвечающими цензу, – каждый из них должен был иметь участок земли не меньше, чем на один «дад», т. е. площадью, которая была бы достаточна для орошения водами главного канала в течение суток. Имя победителя в жеребьевке считалось отправным при распределении очереди по спискам.

Например, пусть список составлен по земельному цензу: 1-й – самый крупный землевладелец, за ним следующий 2-й… 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й; 100-1 и последние в очереди 200-й, 201-й, 202-й. Победителем жеребьевки мог оказаться любой, например, 20-й или 200-й (если только был допущен к жеребьевке из-за земельного ценза). Тогда первым воду получал 20-й, затем 22-й и т. д. Если победил 200-й, очередь получал 200-й, 201-й, 202-й последний, 1-й, 2-й и т. д. Очередь, таким образом, начиналась с победителя, а положение в списке не давало никаких привилегий.

Но привилегия для богатых была в другом. Когда очередь наступала, скажем, богатого землевладельца, земли которого по Игалинским нормам составляли, например, 8 дад, он

получал воду в течение 2-х суток (1 дад = $^1/_4$ суток), а землевладелец с землею в 1 дад получал воду в течение суток, т. е. вода оставалась у богатых лиц до полного полива их земель, что задерживало поступление воды на земли других стоящих в очереди. В с. Гимры, как уже говорилось, воду никто не мог держать более 4-х часов.

Совершенно иная картина сложилась в Гергебиле. Распределение воды, как и всюду, происходило по жеребьевке. Для жеребьевки село делится на четыре части соответственно четырем авалам.

Во время жеребьевки уравнивали людей по всем авалам так, чтобы каждый авал включал четверть населения. Затем в каждом авале люди делятся на еще более мелкие группы, примерно по 25 человек. Эти последние группы называются «рикьи» (от слова «рикьизе» – делить). Число «рикьи» равняется числу основных каналов (рахъал), расходящихся от главного канала у «магъил кIалтIу» («ворота пашен»).

Магъил кIалтIу. Гергебиль. Фото автора. 1968 г.

В Гергебиле пятнадцать основных оросительных каналов и соответственно пятнадцать рикьи. Внутри каждого рикьи проводят жеребьевку, предварительно пронумеровав по порядку. Если победитель окажется по порядковому номеру 4-й, очередь на дневную воду получают 5, 6, 7… 25, 1, 2, 3… 25 и т. д. по кругу, по возрастанию порядковых номеров, а на ночную воду – 4, 3, 2, 1, 25, 24… и т. д. в обратном порядке. Соответственно все лето в этой группе (рикьи) очередь на воду идет по кругу, где каждый на общей очереди получает то ночную, то дневную воду. (Если условно номера очередей изобразить графически в виде круга, то дневная очередь идет по часовой стрелке, а ночная – против часовой

стрелки).

Оросительные порядки настолько продуманы и опробованы, что функционируют и сегодня.

Будущее не известно.

«Ворота судного дня» в Дербенте

М.С. Гаджиев

Средневековый Дербент (араб. Баб ал-абваб), особенно в домонгольский период, в VIII – начале XIII века, являлся одним из важнейших исламских центров Кавказа и всего мусульманского мира. Это обусловило и расположение здесь не только большого числа мечетей во главе с центральной соборной Джума-мечетью (араб. Масджид джами), возведенной в начале VIII века, но и немалочисленных иных почитаемых культовых исламских объектов. Этому способствовало и раннее проникновение и последующее упрочение здесь позиций суфизма – мистического направления в исламе. До нашего времени в Дербенте сохранилось несколько почитаемых мусульманами «святых мест» (пиров), среди которых следует назвать, прежде всего, знаменитое средневековое кладбище Кырхляр (в переводе с тюркского «Сороковник»; перс. *Чэхэл танан* с тем же значением), где покоятся газии-шахиды XI–XII вв., и скальный выход Дюльдюль Али, на котором, по преданию, остались следы копыт коня (по кличке араб. *Дулдул*) «праведного» халифа Али (ум. 21.01.661) во время его посещения Дербента.

Но в данной статье речь пойдет о другом культовом памятнике, который являлся одним из наиболее почитаемых

мусульманами объектов в средневековом городе и который был вновь выявлен только в наши дни. Еще в XVIII–XIX вв. он был известен под названиями *араб.* Баб ал-Кийама, *тюрк.* Кийамат-капы, *перс.* Дар-и Кийамат, что в переводе значит «Ворота Судного дня» или «Во рота Воскресения». Местонахождение этого средневекового, ныне забытого и не функционирующего, мусульманского культового места не было известно. Его местоположение около башни № 50 северной городской оборонительной стены (с наружной стороны, за пределами средневекового обживаемого города-*шахристан*а) (рис. 1) было установлено на основании сопоставления сведений письменных источников и расположенных на данном участке стены и башни многочисленных вырезанных знаков и известной персидской надписи 814 г.х./1412 г. о строительстве здесь «благословенного здания».

Рис. 1. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама

Рис. 2. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Надпись 814 г.х./1412 г. о строительстве «благословенного здания»

Текст этой надписи гласит (рис. 2):

Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха. Это благословенное здание построено во время правления эмира Исфандийара, – да сделает его Аллах владычество вечным! – рабом [божьим] Хаджа Рукн ад-Дином б. Хаджа Наджм ад-Дина. Восемьсот четырнадцатого года.

Впервые название этого культового объекта в арабской форме Babul-Kyiamet было зафиксировано князем Дмитрием Кантемиром, который во время Персидского (Каспийско-

го) похода Петра I возглавлял походную канцелярию императора, в конце августа – начале сентября 1722 г. вместе с ним пребывал в городе и положил начало изучению эпиграфики Дербента. Идентификация Babul-Kyiamet, упомянутого Дм. Кантемиром, с данным местом стала возможной благодаря приведенным в его дневнике зарисовкам зафиксированных им нескольких знаков, расположенных «на маленьких под земных воротах, которые местные жители называют Babul-Kyiamet». Эти знаки на стене сохранились до настоящего времени.

Это же название отмечено А.К. Бакихановым в 1841 г. в его «Гюлистан-и Ирам», который сообщает, что упомянутая выше надпись 814/1412 г. эмира Ис фандийара находится «на Дербендских воротах, называемых Кийамат». Генерал А.В. Комаров, проходивший службу в Дагестане в 1870-х гг. и также сообщающий об этой надписи, приводит на плане Дербента название башни, на которой она вырезана – *Дар Кийама бурджи* «Башня Ворот Кийамат». Причем здесь мы имеем уже персидскую форму на звания этих ворот. Персидское наименование этого объекта фигурирует и в заметке, написанной, видимо, А.В. Комаровым и опубликованной в «Известиях Кавказского отделения Русского географического общества» в 1872 г.: «Деры-Киамет находится в се верной стене против городского сада…».

Здесь во время моих обследований оборонительных укреплений Дербента было обнаружено свыше 40 вырезан-

ных знаков. Причем большинство врезных знаков представляли собой различного типа изображения дуги-арки, а несколько специфических символов являются знаками строителей города середины VI в. Это одно из самых многочисленных скоплений знаков на стенах Дербента (наряду со знаками, высеченными на стенах центральных ворот Орта-капы южной городской стены). Сама стена вокруг арки в оборонительной стене рядом с башней буквально «усеяна» сотнями, вбитыми в нее до конца, железными гвоздями, как кованными средневековыми ремесленного производства, так и фабричными XIX – начала XX вв. Здесь же, на куртине и башне, мной были выявлены три арабские надписи XI–XIII вв.: одна из них состоит из одного слова, выведенного почерком *куфи* – *масджид* «мечеть», вторая – написана курсивным *насхом* и представляет собой фразу человека-*суфия* – *«Йа, 'Али, дервиш Садик»* (рис. 3), третья – плохо сохранилась и не разобрана. Надписи датируются по палеографическим особенностям XI–XIII вв. Начальная фраза второй надписи («Йа, 'Али…») является характерным восклицанием, обращением к имени 'Али б. Аби Талиба – двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда, четвертого «праведного» халифа, особо почитаемого и обожаемого шиитами как святого и героя, «идеального рыцаря ислама», по выражению И.П. Петрушевского.

Рис. 3. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Надпись дервиша Садика

Здесь следует отметить, что в знаменитом сочинении «Рай-хан ал-хака'ик ва бустан ад-дака'ик» (досл. «Базилик истин и сад тонкостей») рубежа XI–XII вв. местного суфийского автора Абу Бакра ад-Дарбанди (ум. в 539/1145 г.) много ссылок на высказывания ʻАли б. Аби Талиба, а в разделе о «разрядах» суфийских святых (*табакат ал-аулийа'*) этого сочинения вместе с суфиями фигурируют и шииты.

Указанные надписи, в особенности надпись 1412 г. о строительстве «благословенного здания» (т. е. мечети или пира-зиярата) и надпись дервиша Садика, немалочисленные вырезанные знаки-символы, а также многочисленные забитые в стену гвозди с очевидностью указывали на нахождение

в этом месте средневекового исламского культового объекта. На это указывало и ныне забытое на именование его – араб. *Баб ал-Кийама*, перс. *Дар-и Кийамат*, тюрк. *Кийамат-капы* («Ворота Воскресения» или «Ворота Судного дня»), зафиксированное в источниках XVIII–XIX вв.

Старожилы Дербента не помнят этого названия, как и место нахождение здесь культового места. Лишь в 2002 г. я нашел информатора (Сюват Султанов, 1920 г.р.), который сообщил, что в конце 1920-х гг. здесь, у выступавшего из земли арочного свода, находящегося в углу куртины, у ее стыка с башней, располагалось почитаемое место (*пир*), носившее азербайджанское наименование *Бурунджпир* («Угловой пир», т. е. пир, расположенный в углу, на изгибе) и своим названием соответствующее местоположению. По сообщению информатора, здесь собирались мусульмане-шииты перед паломничеством в Кербелу (Карбала или Машхад ал-Хусейн) – одну из главных шиитских святынь и, обращаясь к Все вышнему в молитвах, просили его о помощи. О недавнем использовании этого места в культовых и обрядовых действиях свидетельствовали и многочисленные гвозди фабричного производства XIX – начала XX вв., забитые в стену, очевидно, с той же благопожелательной целью. В Дагестане этнографами зафиксирован обряд забивания гвоздей в дерево, землю с надеждой на божественную помощь, в частности, в избавлении от болезней, недугов, но подобная вариация его не была известна.

Обращу внимание также на то, что местоположение этого культового места вплотную с оборонительной башней перекликается с сообщением Абу-л-Касима ал-Варрака ал-Баби, которое передает его ученик Абу Бакр ад-Дарбанди: «Среди башен городской стены нет ни одной, в которой не было бы хотя бы одного из божьих святых (*аулийа' Аллах*)».

В 2002–2004 гг. Дербентская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН и Дагестанского государственного университета провела раскопки на данном месте (работы проводились по грантам Российского гуманитарного научного фонда, проекты № 02-01-18043е, 03-01-18030е, 04-01-18067е, и Федеральной Целевой программы «Интеграция», проект № Э0148). И полученные в ходе их материалы подтвердили предположение о культовом, по читаемом характере данного объекта и позволили выяснить в определен ной степени его внешний облик, время функционирования, обрядовую специфику.

На заложенном раскопе (площадью ок. 60 кв. м) было вскрыто 8 культурных слоев (общей мощностью до 2,9–3,4 м), датируемых в диапазоне сер. VI – сер. XX вв., выявлены архитектурные остатки, включающие стены и столбы ограды этого культового объекта, определено время его функционирования с X–XI вв. и вплоть до начала XX в. Площадь огражденного подпрямоугольного участка (размерами ок. 6,7х5,2 м), расположенного в углу у стыка башни и кур-

тины, составляет ок. 38 кв. м (рис. 4, 5, 6).

Проход (шириной 50 см) в культовое место и к оборонительной стене оформляли хорошо отесанные плиты по рога и два фигурных столба ограды (рис. 7, 8), близких по стилю базам колонн мечети XII–XIII вв. в сел. Хив (Табасаранский район Республики Дагестан). На одном из столбов этой мечети сохранилась арабская строительная надпись, которая по палеографическим данным датируется XII–XIII вв. Отмечу также, что столбы, аналогичные неорнаментированным столбам ограды, выявлены мной при обследовании Горной стены «Даг-бары» в сел. Митаги на старинном кладбище – здесь 6 подобных столбиков с пазами для деревянных балок ограждали по периметру группу крупных саркофагообразных надмогильных камней XI–XII вв. Эти материалы, а также стратиграфическое положение данных архитектурных остатков, нумизматические находки и многочисленный характерный керамический комплекс позволили датировать начальный этап функционирования данного культового памятника X-XII вв.

Рис. 4. Дербент. Раскоп XXII. Культовое место Баб ал-Кийама

Рядом с башней, за пределами ограды, непосредственно под надписью 1412 г., было расчищено мусульманское мужское погребение в каменном ящике XIV–XVI вв. (рис. 5). Еще одно мусульманское погребение зафиксировано у северного угла раскопа.

В куртине, у ее стыка с башней, был выявлен хорошо защищавшийся арочный проход (длина ок. 3 м, ширина ок.

1,5 м, высота от уровня порога св.2,5 м; с пазами для мощного засова и дверного косяка) (рис. 9, 10, 11), возведенный одновременно с оборонительной стеной и башней в сер. VI в. и позднее, примерно в X–XI вв., с ростом культурного слоя оказавшийся частично заглубленным в грунт. В это время он, очевидно, стал восприниматься как подземные ворота, а в сознании верующих-мусульман – как ворота в потусторонний мир, чем и было обусловлено наименование этого места «Ворота Судного дня» и превращение его в культовое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.